

Проф. В. М. Штейн

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ ДРЕВНЕГО КИТАЯ «ГУАНЬ-ЦЗЫ»

Труд, известный под именем «Гуань-цзы», принадлежал на протяжении веков к числу пасынков официальной китайской науки. Он был запечатлен клеймом ереси и поэтому оставался в пренебрежении. Текст «Гуань-цзы» дошел до нас в искаженном состоянии. Он изобилует бесконечными повторениями и даже прямыми противоречиями, явственно свидетельствующих о произвольных и подчас безграмотных вставках, местами производит впечатление ребячества, недостойного крупного политического деятеля Гуань Чжуна, имя которого это произведение носит. Европейские китаисты объявляют целые главы из «Гуань-цзы» непереводаемыми (например, проф. Форке — 58-ую главу). Какие непримиримые разногласия существуют между китаистами по вопросу о содержании этого трактата, видно из следующих примеров. Масперо говорит, что «Гуань-цзы» это «нечто вроде утопии исторической, философской и романической»¹. Китайский автор Куо-ченг Ву утверждал, что «в большинстве глав... главной темой обсуждения являются... детали администрирования, не имеющие для нас никакой ценности»². Габеленц высказывается о рассматриваемом труде в том духе, что «содержание политико-моральное — по большей части очень скромное, манера же письма часто достойна удивления»³. Хирт подчеркивает в «Гуань-цзы» склонность к статистическому методу, признавая автора трактата старейшим статистиком всех наций⁴. Карлгрен, отмечая значение «Гуань-цзы» в качестве экономического трактата, подчеркивает важность этого трактата для изучения ранних общественных институтов (early institutional life) Китая. Он ценен также тем, что дает некоторые сведения по истории металлургического производства в княжестве Ци⁵. Таким образом, современным ученым не удавалось представить «Гуань-цзы» в каком-то едином синтезе. Каждый старался уловить одну сторону этого сочинения, не заботясь о других. При этом большинство

¹ Н. Масперо, *La Chine antique*, P., 1927, стр. 516—517.

² Куо-ченг Ву, *Ancient Chinese political theories*, Shanghai, 1928, стр. 338.

³ G. von Gabelentz, *Vorbereitendes zur Kritik des Kuan-tsi*, SPAW, X (1892), стр. 128.

⁴ Fr. Hirth, *The ancient history of China to the end of the Chou dynasty*, N. Y., 1911, стр. 203—205.

⁵ В. Карлгрен, *The authenticity of ancient Chinese texts*, BMFEA, № 1(1929), стр. 172—173.

китаистов проявляло откровенный скептицизм относительно познавательной ценности этого трактата.

По своему философскому направлению автор «Гуань-цзы» обычно причислялся к легистам. Однако де Гроот называет его одним из трех «пророков» даосизма, рядом с Лао-цзы и Чжуан-цзы¹. Габеленц также замечает, что «в своих канонических частях Гуань-цзы иногда поразительно близок по стилю к Дао-дэ-цзину» (ук. соч., стр. 129). Лян Ци-чао пишет: книга «Гуань цзы» «обнаруживает соединенное влияние даосистской, конфуцианской и легистской школ»².

Разница во мнениях среди представителей современной науки достигает своего апогея при определении возраста «Гуань-цзы». При установлении времени составления современной версии трактата суждения китаистов варьируют от IV в. до н. э. до V—VI вв. н. э. Так, Kuo-cheng Wu утверждает, что большая часть трактата должна рассматриваться как «подделка, сфабрикованная в этом котле мысли, III веке до р. Х.» (ук. соч., стр. 123), обычно признаваемом золотым веком китайской философии.

По мнению Дюйвендака, древнейшие части труда «Гуань-цзы» могли быть созданы в конце IV в. до н. э. Однако в нем много позднейших дополнений³. Гране считает, что в основном в этом сочинении «с очевидностью проявляется дух администраторов ханьской эпохи»⁴. Масперо отнес первоначальный текст «Гуань-цзы», которого нет в наших руках, ко второй половине IV в. до н. э.; он считал, что этот текст еще существовал при Хань, но затем появилась современная версия, или «псевдо-Гуань-цзы». Он пишет: «„Гуань-цзы“, к несчастью, в его современной форме является почти целиком подделкой IV или V в. н. э., в которой даже имеющиеся в ней редкие части древнего происхождения были преобразованы» (ук. соч., стр. 295). В рецензии на одну работу Халоуна он указывает даже V—VI вв., однако сам сопровождает эту дату вопросительным знаком⁵. Позиция Масперо в вопросе о времени появления трактата «Гуань-цзы» была подвергнута критике Карлгреном⁶. Ответ Масперо показал, что он располагает лишь данными, свидетельствующими о позднейшем происхождении отдельных немногочисленных отрывков, а не трактата в целом⁷. Однако авторитет Масперо среди буржуазных китаистов так велик, что они до сих пор таят в уголках своего сознания убеждение в том, что «Гуань-цзы» в современном его виде является продуктом фальсификаторов классической литературы IV—VI веков.

Между тем, среди новейших китайских авторов в вопросе о возрасте «Гуань-цзы» господствует полное единодушие. Еще в 1931 г. вышла книга Ло Ген-цзе о происхождении «Гуань-цзы», определяющая период появления этого труда IV—III вв. до н. э. По мнению Го Мо-жо, книга «Гуань-цзы» является литературным сборником периода Чжань-го (403—221 гг. до н. э.) и более поздних времен. Однако некоторые фразы в ней могут быть возведены к последним годам Чунь-цю (722—481 гг. до н. э.)⁸. Таким обра-

¹ J. J. de Groot, *Universismus. Die Grundlage der Religion und Ethik, des Staatswesens und der Wissenschaften Chinas*, B., 1918, стр. 20.

² Liang Chichao, *History of Chinese political thought during the early Tsin period*, L.—N. Y., 1930, стр. 181.

³ J. J. L. Duyvendak, *The book of lord Shang. A classic of the Chinese school of law*, L., 1928, стр. 70.

⁴ Цитирую по английскому переводу M. Granet, *Chinese civilisation*, L., 1930, стр. 87.

⁵ «*Journal Asiatique*», CCX, № 1 (январь—март 1927), стр. 151.

⁶ *BMFEA*, I (1929), стр. 172—176.

⁷ «*Journal Asiatique*», CCXXII (январь — июнь 1933), стр. 42—45.

⁸ Го Мо-жо, *Десять критических статей (на кит. языке)*, 1954, стр. 248.

зом, есть как бы две позиции: одну из них разделяет современная китайская наука, другую, принадлежавшую Масперо, все еще пытаются применять отдельные представители западноевропейской и американской китаистики. Характерна в этом отношении точка зрения Сванн, опубликовавшей в 1950 г. перевод и солидное исследование относительно *шихо* из «Цянь-Хань-шу». Под влиянием уже сложившейся у китайских авторов традиции, Сванн неоднократно признает, что «Гуань-цзы» является произведением IV—III вв. до н. э. Однако в полном противоречии с самой собой она, ссылаясь на Масперо, заявляет: «Однако мнения широко расходятся насчет того, какие части, если вообще есть такие (if any), могут быть датированы сроком раньше IV—V вв. н. э.»¹. Спрашивается, как же можно относить период составления «Гуань-цзы» к IV в. до н. э., если в нем, возможно, совсем нет частей, появившихся ранее IV—V вв. н. э.?

Что касается авторства «Гуань-цзы», то оно приписывалось когда-то Гуань Чжуну, но эта точка зрения давно оставлена. Гуань Чжун жил в VIII—VII вв. до н. э. Жизнь его была полна превратностей и рискованных ситуаций. Пробившись из среды «низов» к самой вершине общественной лестницы, он, бывший раб, был вдохновителем государственной политики, приведшей главу княжества Ци князя Хуаня к роли первого в Китае диктатора-гегемона (*ба*), руководившего союзом княжеств, номинально самостоятельных. Личность Гуань Чжуна была овеяна в народном предании легендами, возвеличивавшими его способности, ум и находчивость. Ему приписывалось множество афоризмов, остроумных высказываний, смелых бесед с князем Хуанем. Он ничего не написал за время своей жизни, и потребовалось несколько веков, чтобы появились литературные сочинения, украшенные его именем. По-видимому, именно романтический ореол, которым была окружена деятельность Гуань Чжуна, побудил авторов IV—III веков до н. э. взять на себя труд записать кое-что из относившегося к нему фольклорного материала.

Нужно сказать о тех духовных веяниях, которые преобладали в Китае в период появления этого труда и наложили свой идейный отпечаток на «Гуань-цзы».

В этот период на современников огромное впечатление произвели идеи «Дао-дэ-цзина». Влияние мировоззрения Лао-цзы отчетливо запечатлелось и в экономических работах, носивших имя «Гуань-цзы». Идея стоящей над людьми космической закономерности, проникнутой высшими нравственными началами, роднит обоих авторов. Ранние китайские библиофилы недаром отнесли «Гуань-цзы» к числу сочинений даосского направления.

Однако с самого начала авторы трудов, носивших имя «Гуань-цзы», попытались пойти вперед по сравнению с Лао-цзы. В «Дао-дэ-цзине» вопросам социально-экономического порядка отведено немного места. Полагая, что задача управления обществом заключается в том, чтобы отнять излишки у имущего и отдать их беднякам, Лао-цзы видел, что на практике, в результате проводимой князьями политики, наоборот, богачи еще больше умножают свое достояние, а бедняки нищают. Поэтому Лао-цзы стал пессимистом в вопросах общественной жизни, проповедуя пассивную политику *у-вэй*, т. е. «невмешательство человека в развитие объективной действительности»². Главным злом общественной жизни Лао-цзы

¹ N. L. S w a n n, Han shu 24. Food and money in Ancient China, Princeton, 1950, стр. 133 сл.

² Я н Х и н - ш у и, Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение, М.—Л., 1950, стр. 72.

считал финансовую деятельность правительства. «Народ голодает оттого, что слишком велики поборы и налоги»¹.

Авторы «Гуань-цзы» пропускали события общественной жизни сквозь иную призму. В Китае в это время происходил бурный расцвет горных промыслов. Княжество Ци снабжало другие районы страны солью и железом и богатело на этом. Идеология «Гуань-цзы» заключалась не в отказе от общественной деятельности, а, напротив, в систематическом регулировании народного хозяйства сверху «благожелательным и мудрым правителем». Если «горы и моря будут взяты в казну» (т. е. горные и морские промыслы), как проповедовали авторы «Гуань-цзы», то прибылей от соли и железа с лихвой хватит для того, чтобы заменить все налоги. Таким образом, экономическая политика «Гуань-цзы» проникнута принципами динамизма и активного вмешательства, в противоположность пессимизму и пассивности Лао-цзы.

Перейду теперь к рассмотрению второго течения, которое имело большой общественный резонанс в период появления работ, носивших имя «Гуань-цзы», а именно легизма. Идеи легизма должны были впервые получить распространение в Китае незадолго до того, как стали публиковаться (в конце VI в. до н. э.) первые кодексы уголовных законов. Современные китайские авторы отмечают, что эти законы рождались в обстановке острой классовой борьбы. Хотя попытки восстаний рабов в IX в. до н. э. и закончились поражением, но после них сопротивление торжеству прогрессивных сил уже не могло быть полным. С другой стороны, все усиливается развитие частной собственности, встречавшее ожесточенное сопротивление со стороны неимущих; эта борьба выражалась в разного рода покушениях на собственность. Так назревает потребность в санкциях против «нарушителей порядка». Но закон уже при своем возникновении требует, чтобы ему в равной мере подчинялись и сильные и слабые, и богатые и бедные, и власть имущие и «рядовые» люди. Между тем, знатные роды привыкли насильничать и творить беззакония. Поэтому появление уголовных кодексов встречает наибольшее сопротивление именно в их среде. Раздоры вокруг законов тянутся несколько веков подряд. Под влиянием вызываемой ими оппозиции, стоящие у власти легисты проводят с тем большей остротой требование беспрекословного подчинения закону. Примерно с IV—III вв. начинается перерождение легистского учения, когда оно приобретает законченную форму мрачной антинародной доктрины, призванной служить, по выражению Халоуна, «тираническому деспотизму рождающейся империи»². До этого между легизмом и даосизмом было много точек соприкосновения.

Когда появились в свет труды, носившие имя «Гуань-цзы», общественная атмосфера была уже насыщена спорами о законах, но легизм не приобрел еще одиозной окраски. Увлеченные этой дискуссией, авторы «Гуань-цзы» внесли в свой труд немало рассуждений на правовые темы, но этого было, конечно, недостаточно, чтобы укрепить за этим трактатом славу легистского сочинения. В течение долгого времени он никак не ассоциировался с легизмом, разделяя судьбу конфуцианской и даосистской, а совсем не легистской литературы.

В период гонений на конфуцианские сочинения «Гуань-цзы» не избегал общей с ними участи. Наоборот, когда при ханьском императоре У Ди обстановка переменилась и конфуцианство было признано государственным культом, а по инициативе Дун Чжун-шу в 141 г. до н. э. было объявлено, что приверженцы философских систем Шэнь Бу-хая, Шан Яна

¹ Ян Хин-шун, ук. соч., стр. 156.

² G. H a l o u n, *Legalist fragments. Part I. Kuan-tsi 55 and related texts*, «Asia Major», N. S., II (1951), 1, стр. 98.

и Хань Фэй-цзы (т. е. главарей легистской школы), а также связанных с ними идеологически Су Циня и Чан И (представителей дипломатической школы) изгоняются с правительственной службы¹, то «Гуань-цзы» не попал в этот проскрипционный список. Это означает, что названный этим именем трактат принадлежал, с точки зрения конфуцианства, к правоверной литературе, и направленное против легистов преследование его не затрагивало.

Почему же все-таки трактат «Гуань-цзы» впоследствии (в начале VI в. н. э.) был причислен к легистским сочинениям? Несомненно, причина этого лежит в том, что влиятельные легисты ханьского времени, во главе с Сан Хун-яном, провозгласили автора «Гуань-цзы» своим родоначальником. Подлинное общественное брожение вокруг вопроса о соли и железе возникло примерно на грани II и I вв. до н. э. В это время у власти стоял Сан Хун-ян со своими приспешниками. На своем знамени он поставил лозунг обогащения казны. Это был легист «новой формации». Сан Хун-ян попытался поставить «Гуань-цзы» на голову. «Гуань-цзы» хотел использовать доходы от соли и железа, чтобы о с в о б о д и т ь население от налогов. Легисты, стоявшие у власти, охотно привлекли «Гуань-цзы» для доказательства принципиальной желательности перехода доходов от соли и железа в казну. Они сделали «Гуань-цзы» своим евангелием. Но это не мешало сторонникам Сан Хун-яна сохранять нетронутой всю существовавшую систему обложения, привлекая доходы от соли и железа, как обильный добавочный источник. Такая постановка вопроса вызвала со стороны конфуцианских ученых оппозицию. Когда в 81 г. до н. э. состоялся диспут об управлении соли и железа, Сан Хун-яну и его присным более всего ставилась в вину неумеренная погоня за прибылями, в которой трактат «Гуань-цзы» никак не был повинен. Между тем, чиновные легисты, отбиваясь от атак, в качестве тяжелой артиллерии применяли именно «Гуань-цзы». Возможно, что при этом представители правительства не постеснялись «адаптировать» текст «Гуань-цзы» в отдельных местах применительно к своим нуждам.

Серьезный момент в истории формирования текста «Гуань-цзы» наступил тогда, когда известные ученые Лю Сян и его сын Лю Синь на грани нашей эры, занимаясь приведением в порядок классического наследства, поработали, в частности, и над трудом «Гуань-цзы», закрепив его все же за даосским направлением литературы. Сохранился мемориал Лю Сяна о «Гуань-цзы», в котором приводятся слова одного крупного чиновника того времени: «Я читал книги господина Гуаня под названием: Пастухи народа, Высокие горы, Платежная единица, Колесница и конь, О стабилизации и Девять ведомств. С какой полнотой он обсуждает эти вопросы»².

Таким образом, еще в ханьскую эпоху, судя по названиям перечисленных произведений, содержанием трудов, известных под именем «Гуань-цзы», в подавляющей части была экономика. В то время еще не существовало единого трактата «Гуань-цзы», а обращались, по-видимому, пять отдельных сочинений, каждое из которых носило имя «Гуань-цзы». Наконец, важно, что «Гуань-цзы» признавался еще даосским произведением.

Недаром еще римляне говорили: *habent sua fata libelli*. Мало того, что при ханьской династии Сан Хун-ян попытался так бессовестно извратить смысл трактата «Гуань-цзы». Последнему пришлось претерпеть и вторично такое же злонамеренное использование его содержания для обоснования экономической политики, с которой у его авторов не было, да и не могло быть ничего общего. Не кто иной, как предатель китайского народа Чан

¹ Fung Yu-lan, A short history of Chinese philosophy, N. Y., 1948, стр. 213.

² P. van der Loon, On the transmission of Kuan-tzŭ. T'oung Pao, vol. XLI, livr. 4—5, Leiden, 1952, стр. 362.

Кай-ши хотел освятить ограбление китайского населения ссылками на авторитет «Гуань-цзы». Поистине это было покушение с негодными средствами! Не говоря уже о полном отсутствии исторической перспективы у людей, хотевших искусственно пересадить идеи, родившиеся в период Чжань-го, на современную почву, бросается в глаза исключительная неуместность привлечения «Гуань-цзы» с его гуманными идеями избавления народа от тяжести налогов для подкрепления финансовой системы Чан Кай-ши, построенной на началах грабежа и угнетения.

Скажу теперь об экономическом мировоззрении, лежащем в основе трактата «Гуань-цзы».

Трактат «Гуань-цзы», написанный, по-видимому, в IV—III вв. до н. э., является продуктом переломной эпохи, когда в социальной жизни Китая происходили глубочайшие сдвиги. В этой статье я не могу, конечно, коснуться сколько-нибудь подробно вопроса о том, какая формация существовала тогда в Китае. Известно, насколько острые разногласия существуют относительно периодизации истории Китая. Здесь достаточно указать, что, несмотря на общепризнанную многоукладность китайского общества этого времени, феодальные производственные отношения были в этот период, на мой взгляд, господствующими. Всякий читатель «Гуань-цзы» знает, что доминирующей фигурой в этом труде является крестьянин, ведущий самостоятельное хозяйство. О рабах в труде «Гуань-цзы» почти нет упоминаний. Такие вопросы, как тяжесть налогового бремени, наделение земель, регулирование хлебных цен в пользу крестьянства были бы неуместны по отношению к рабам. Автор настоящей статьи надеется более серьезно и глубоко осветить эту проблему в подготовляемом им к печати труде, посвященном «Гуань-цзы».

Трактат «Гуань-цзы» и труды крупнейшего идеолога конфуцианства в вопросах экономики Мэн-цзы¹ появились и сделались доступными читателю древнего Китая почти одновременно: во второй половине IV или в начале III в. до н. э. В них нашли выражение два антагонистических экономических мировоззрения, которые в условиях классовой борьбы древнекитайского общества должны были вступить в ожесточенное соперничество между собой.

Экономическая программа конфуцианцев была обращена в далекое прошлое. Конфуцианцы были странствующими пропагандистами, учителями нравственного поведения, поклонниками старины. Идеалом их была небольшая крестьянская община, живущая в условиях коллективного земледелия и соседской взаимопомощи (система *цзинтянь*). Жители общины наделены равными участками земли (квадратными полями), экономически ни от кого не зависят и находятся, примерно, в равном положении. Ими руководит небольшая группа духовных наставников, проповедников конфуцианской доктрины. В этой общине все подчиняется нравственным нормам *ли*, создаваемым конфуцианцами. Потребности в издании законов еще нет. Аграрная программа квадратных полей органически сочетается у конфуцианцев с поведением на основе *ли*. Конфуцианцы потому и сохраняют допотопный идеал квадратных полей, что только при таком примитивном хозяйственном строе можно обходиться без писаного закона. Между тем, в условиях уже вполне сложившегося феодального общества конфуцианцы, верные своей задаче защиты интересов родовой знати, сохраняют идеал квадратных полей только для видимости. От идеи наделения земель они переходят к принципу *п р и к р е п л е н и я* к земле. И тот

¹ Подлинность труда Мэн-цзы никем не оспаривается. Даты его жизни: 372—289. Русский перевод: П. С. Попов, Китайский философ Мэн-цзы, СПб., 1904.

же самый Мэн-цзы, который елейно проповедует «равенство» квадратных полей, умудряется рядом с ним поставить вполне выдержанную в феодальном духе систему наделения землей всех категорий феодальных землевладельцев и чиновничества, причем доходы от земли должны в точности соответствовать сословному или служебному рангу каждого носителя власти. Таким образом, экономический идеал конфуцианства глубоко реакционен.

Совсем иной характер имеет экономическая система «Гуань-цзы». Она смотрит не в прошлое, а в будущее. В ее основе лежит стремление к развитию производительных сил общества и к возможно более широкому удовлетворению потребностей. Она предполагает рост горных промыслов, рыночной экономики, денежного оборота. Вместе с тем, главная забота «Гуань-цзы» состоит в том, чтобы защитить крестьянский люд от эксплуатации купцов-спекулянтов, наживающихся на колебаниях рыночных цен. Метод, который особенно охотно рекомендует «Гуань-цзы», это — государственное регулирование всей экономики. Вмешательство правительства в народнохозяйственную жизнь идет в двух направлениях, которые следует строго различать. Первое из них связано со стремлением максимально использовать горные богатства страны для улучшения положения крестьянства. В труде «Гуань-цзы» чувствуется между строк ранняя романтика горного дела, когда человек впервые широко проникает в недра земли, когда усиленно идет разведка рудных богатств. Однако «взятие в казну гор и морей» совсем не означает непременно организации государственных монополий. Возможно даже, что авторы «Гуань-цзы» не отдавали себе ясного отчета в том, какие формы примет использование горно-рудных богатств и соляных промыслов (монополии или обложение).

Несравненно важнее в теоретическом отношении было второе направление: идея формирования запасов в целях выравнивания цен. Эта мысль получила в Китае реальное осуществление в виде «амбарной системы», применявшейся на протяжении веков. Если монополии или обложение соли и железа были одиозными в глазах конфуцианцев, то стабилизация цен встречала в древнем Китае гораздо большее сочувствие. Она, как и первое направление регулирования, была направлена своим острием против торговцев.

Естественно, что в тех социальных условиях, для которых авторы «Гуань-цзы» создавали свою систему, и регулирование общественной жизни при помощи норм правового характера должно было оказаться несравненно сложнее, чем в рамках примитивной деревенской общины, к которой апеллировали конфуцианцы, считая возможным ограничиться лишь нравственно обязательными нормами. Авторы «Гуань-цзы» отнюдь не собирались жертвовать *ли*. Но для усложненной общественной обстановки, в которой государственной власти приходилось воздействовать на рынок, необходимо было опереться и на законодательство, и на искусство регулирования *шу*, и на какие-то принципы экономической политики *цэ*. Понятно, при таких условиях авторы «Гуань-цзы» не могли сочувствовать ограничению регулирования одними нормами *ли* и, желая воспользоваться всеми возможными методами правового воздействия, давали тем самым основание признавать их сторонниками легизма.

Таким образом, во всех отношениях рассуждения Мэн-цзы звучат так, словно они относятся к совсем иной эпохе, чем «Гуань-цзы». Однако никакого разрыва во времени между этими двумя памятниками не было. Нельзя объяснить большую примитивность Мэн-цзы в экономических и правовых вопросах всецело и тем, что оба трактата писались в княжествах, стоявших на неодинаковом уровне развития, хотя действительно княжество Ци, на экономическом опыте которого выросла доктрина «Гуань-цзы», было передовым, так что частично это обстоятельство могло оказать влия-

ние. Но главное все же заключалось в том, что, как уже было сказано, одна экономическая система уходила корнями в прошлое, что придавало ей архаический вид, тогда как другая питалась самыми передовыми идеями своего времени и поэтому выходит далеко вперед за рамки своей эпохи.

Экономическое мировоззрение конфуцианцев кажется упрощенным еще и потому, что его программа сводится к минимальному вмешательству правящих органов в экономическую жизнь. Эту сторону конфуцианской доктрины лучше всего выразил Сыма Цянь в 129-ой главе «Ши-цзы». По его представлению, каждый занимается своим делом и снабжает своими продуктами других. Зачем же нужны при таких условиях казенные мобилизации? Лучше предоставить ход жизни его естественному течению. Каждый напрягает до максимума свои способности, чтобы получить все, чего он желает. Когда товары дешевы, продавцы направляются туда, где можно получить более высокие цены; когда товары дороги, покупатели устремляются туда, где их можно получить всего дешевле. «Каждый получает поощрение в своем занятии и находит удовольствие в том, что предпринимает»¹.

Совсем иное представляла собою экономическая система «Гуань-цзы». Она требовала от государственных деятелей гибкого приспособления к изменениям в хозяйственной обстановке, постоянного и з о б р е т а т е л ь с т в а. В этих условиях повседневного вмешательства в экономику не мог ла выработаться рутина. Каждый день, каждый час необходимо было прибегать к новым распоряжениям, декретам, указам, — т. е. к н о в о м у р е г у л и р о в а н и ю. Вот почему экономическая система «Гуань-цзы» кажется прямой противоположностью идеям Мэн-цзы. Экономическая политика, которая отстаивается в трактате «Гуань-цзы», ведет к созданию не «свободного», а регулируемого оборота.

Приведенные факты показывают, что признание автора «Гуань-цзы» основоположником легизма было недоразумением. Его можно объяснить двумя важнейшими обстоятельствами. Во-первых, легисты ханьской эпохи сделали этот трактат своим знаменем, что определило его судьбу в веках. Во-вторых, экономическая система «Гуань-цзы» требовала широкого использования законодательного аппарата. Однако с системой социально-политических взглядов школы легистов — особенно в той ее форме, которая развивалась Шан Яном, у авторов «Гуань-цзы» не было ничего общего. Современные китайские ученые при определении круга писателей, подлежащих зачислению в разряд легистов, пользуются преимущественно формальным признаком: участием данного лица в кодификационном законодательстве своего времени. Гуань Чжун не был автором какого-либо кодекса. По этому признаку его причислить к легистам нельзя. В последние годы в Китае вышло несколько трудов по истории политической мысли в этой стране. Разумеется, в сочинениях этого рода находит себе место и легизм, как политическое мировоззрение. При этом обычно различают в истории легизма два этапа: ранний легизм — в эту рубрику зачисляются Цзы Чан, Ли Куй, У Ци, Шан Ян, Шэнь Бу-хай, Шен Дао — и позднейший легизм «синтетического характера», представленный Хань Фэй-цзы. В этой схеме для «Гуань-цзы» не остается места. Иногда этот отход от старых взглядов, рассматривавших автора «Гуань-цзы» как патриарха легизма, совершается молчаливо, даже без упоминания его имени (например, у Ян Юн-го)². В других случаях исключение «Гуань-цзы» из числа легистов как-то мотивируется. Так, Люй Чжэнь-юй объясняет, что автор «Гуань-цзы», казалось бы, мог получить характеристику идеолога новой группы

¹ N. L. S w a n n, ук. соч., стр. 421.

² Я н Ю н - г о, История развития древнекитайских идеологий (на кит. языке), глава 11.

«землевладельцев-торговцев», появление которой в период Чжань-го особенно подчеркивается современными китайскими историками-марксистами. Но если учесть, что «Гуань-цзы» — это труд не одного человека и не одной эпохи, приходится отказаться от намерения единообразного истолкования воплощенной в этом трактате идеологии¹. Го Мо-жо, приводя ряд выдержек из «Гуань-цзы», свидетельствующих о близости его авторов к Хань Фэю и Шэн Дао, все же признает, что по всему строю идеологии они не могут быть отнесены к легистам².

Таким образом, перед нами как бы единый фронт китайской науки против включения «Гуань-цзы» в разряд легистских сочинений. При изложении истории даосизма его также обычно игнорируют. «Гуань-цзы» оказывается, следовательно, вне основных течений общественной мысли древнего Китая. Но творческую самостоятельность авторы этого произведения обнаруживают в своих экономических рассуждениях, на чем мы теперь и остановимся подробнее.

Общая идея общественной закономерности, которой проникнут труд «Гуань-цзы», излагается в нем в духе, очень близком к Лао-цзы. В основе общественной закономерности лежит смена внутренне присущих природе колебаний в связи со сменой мужского и женского начал. Наличие этих колебаний позволяет государственному деятелю так строить свои мероприятия, чтобы смена двух начал жизни была целиком использована на благо человечеству. Таким образом, сознательная воля правителя вмешивается в игру колебаний, создаваемых природой, чтобы смягчить, затушевать и, может быть, даже вовсе устранить эти колебания. Символически борьба мужского и женского начал выражается в образе «закрывания» и «открывания» дверей вселенной. С открыванием связывается активное начало, человеческая речь, возникновение, расцвет, долгая жизнь, богатство, радость. С закрытием — пассивное начало, молчание, прекращение, смерть, потеря, неуспех. Открытие и закрытие дверей — это формы превращения и круговращения во вселенной под влиянием великой закономерности — Дао. Это природное круговращение, обусловленное сменой мужского и женского начал, приводит в области экономики к появлению годов урожайных и неурожайных. В урожайные годы, в связи с избытком хлеба, собаки и свиньи едят пищу человека, цены катастрофически падают, хлеб не находит сбыта. Наоборот, в неурожайные годы хлеба недостаточно; голодные, изможденные люди, умирая, валяются в канавах, цены быстро повышаются. Естественно, при таких условиях формирование запасов в период избытка обеспечивает тому, кто станет этим заниматься, большие барыши. По идее «Гуань-цзы», выполнение этой задачи должен взять на себя правитель, выбивая тем самым почву из-под ног купцов-спекулянтов, наживающихся на народном бедствии. При низких ценах глава государства должен сосредоточивать запасы у себя, при высоких ценах — рассеивать их. Благодаря этому колебания цен должны постепенно ликвидироваться, т. е. должна быть достигнута с т а б и л и з а ц и я х о з я й с т в а. «Гуань-цзы» проповедует этот идеал потому, что таким путем народ избавляется от голода, а частные спекулятивные прибыли переходят в каналы казначейства, давая возможность упразднить налоги целиком или частью.

Чтобы обеспечить возможность формирования запасов, «Гуань-цзы» рекомендует использовать с этой целью выпуск денег. По всему видно, что трактат «Гуань-цзы» писался на заре денежного хозяйства в Китае, когда закономерности денежного обращения еще не были в достаточной мере известны. Выпуск денег был окружен известным ореолом. Считалось,

¹ Люй Чжэнь-юй, История политической мысли в Китае (на кит. языке), Пекин, 1955, стр. 97.

² Го Мо-жо, Десять критических статей, стр. 482, 486—487.

что государство прибегает к денежной эмиссии для народного блага, например, в годину голода, чтобы выкупить детей, проданных голодающими в рабство.

Уже из сказанного видно, что работа «Гуань-цзы» проникнута от начала до конца принципом закономерности общественной жизни. Каждое экономическое явление, в представлении авторов «Гуань-цзы», имеет свою норму, и любое отклонение от этой нормы мстит за себя тяжелыми потрясениями. Наоборот, если явления соответствуют норме, экономика в целом приобретает устойчивость.

Для «Гуань-цзы» характерен метод рассмотрения народного хозяйства в целом, а не единичных явлений. Такой анализ является особенно плодотворным в «Гуань-цзы» в тех случаях, когда трактат, рассматривая рыночную экономику, противопоставляет товарную массу и денежную массу, полагая, что их цены движутся в противоположных направлениях. «Гуань-цзы» тем самым предвосхищает на много веков экономическую мысль Европы.

Стоит также отметить, что сочинение «Гуань-цзы» чутко отражает стремление к народнохозяйственному прогрессу. В те времена в моде был аскетизм в потреблении, который проповедовали, несмотря на различие социальных позиций, и Конфуций, и Мо-цзы, и Лао-цзы. У Чжуан-цзы современные авторы находят своеобразный «анти-экономизм». «Гуань-цзы», наоборот, хотел бы, чтобы были использованы все возможности, открывающиеся благодаря техническому прогрессу. Его идеал — возможно широкое, богатое и разнообразное потребление. Развитие народа означает и повышение уровня жизни.

Несмотря на то, что у «Гуань-цзы» мы находим исключительно тонкое понимание основных процессов, происходящих в денежном механизме, он не проявляет преклонения перед драгоценными металлами, ему чужда жажда накопления золота. У «Гуань-цзы» прямо сказано: «Если благ недостаточно, то, хотя бы золота и жемчуга было много, мы называем такое государство бедным».

Своеобразной чертой трактата «Гуань-цзы» является проникающее некоторые главы этого произведения преклонение перед железом и его плодотворной ролью в народном хозяйстве. Дважды мы находим в нем перечисление потребляемых в стране предметов из железа, которое многообразием ассортимента не может не поразить тех, кто привык представлять себе полуколониальный Китай начала XX в. нищей страной, еще «недорослей» до потребления металла. В главе 81-ой дается, например, такое указание относительно состава изготавливаемых из железа предметов: «... для земледельческих работ крестьянина необходимы железные части плуга, мотыга, серп, заступ, молот, коса, — и в результате возникает крестьянское хозяйство; чтобы произвести экипаж, необходимы топор, пила, ступицы колеса, сверло, долото, железная ось, — и в результате можно создать экипаж; женщине (занятой производством одежды) необходимы нож, шило, большая и малая игла, — и в результате создается производство одежды женщинами». В главе 77-ой «Гуань-цзы» говорится, что число гор, содержащих в себе медь, исчисляется в 467, тогда как гор, в которых находят железо, имеется 3609. Это свидетельствует о примате железа над медью в период написания «Гуань-цзы». Мы находим также у авторов этого сочинения замечательное предвосхищение идей геохимии: по характеру пород, находимых на поверхности земли, предлагается судить о том, что может быть найдено в недрах. В той же 77-ой главе сказано, например: «Если сверху имеются красноватые пески, это значит, что внизу золото, там, где наверху магнитный камень, там внизу медь, где сверху "курганый камень", там внизу олово, свинец, красная медь, где

сверху краснозем-железняк, там внизу железная руда». В такой атмосфере увлечения металлами неудивительно, что в трактате «Янь-те-лунь», представляющем запись дискуссии о монополиях на соль и железо I века до н. э., конфуцианские ученые декларируют в главе V: «Жизнь и смерть крестьянина зависят от железных орудий», а в главе XXXVI¹ идет оживленный спор по вопросу о том, лучше ли предоставить крестьянам самим производить железные орудия для сельскохозяйственных работ или снабжать их стандартными орудиями, производимыми в государственных мастерских.

Скажу о том, почему именно при Хань идея стабилизации хозяйства могла приобрести такой резонанс. Можно отметить три основные причины, вызвавшие в широких общественных кругах глубочайшую тягу к организации хозяйства на прочных основах. Прежде всего огромные финансовые траты II—I вв. до н. э., связанные с войнами против кочевников, вызвали широкое использование выпуска денег, как источника восполнения казначейских средств и при недостаточном знакомстве государственных деятелей с законами денежного обращения это привело к необычным скачкам цен, которыми воспользовались для личного обогащения спекулянты. Такая экономическая обстановка и воспринималась современниками как своего рода хаос, из которого нужно искать выхода методами стабилизации хозяйства. Во-вторых, в тот же период делает большие успехи техника горного дела, растет производство железа. Опять-таки спекулянты налаживают производство и продажу крестьянам сельскохозяйственных орудий по вздутым ценам. Злоупотребления приводят к тому, что железо и изделия из него, а также соль становятся источником частного обогащения. Тогда возникает идея присвоения государством источников получения соли и железа для того, чтобы, с одной стороны, усилить государственные ресурсы, а с другой — дать возможность населению получать эти предметы по устойчивым ценам. Наконец, в-третьих, ханьская эпоха характеризуется укреплением частной собственности на землю. В результате возникает большая неравномерность в распределении богатств в стране, и это также создает большую неустойчивость экономических отношений, вызывая недовольство широких народных масс. Таковы были важнейшие экономические «злобы дня» при Хань. Они привели к попыткам стабилизировать хозяйство, и для отстаивания этого принципа был использован труд «Гуань-цзы», доставшийся ханьской эпохе от периода Чжань-го.

Таким образом, центральным понятием для всей экономической системы «Гуань-цзы» является стабилизация хозяйства. Она передается китайским термином *цинчжун*, что буквально означает «легкое и тяжелое». Подобно тому, как при физическом сопоставлении этих понятий возникает представление о в е с е, так в переносном смысле этот бином олицетворяет стабилизацию. У каждого образованного китайца ханьской эпохи имя автора «Гуань-цзы» должно было, прежде всего, ассоциироваться именно с его учением о *цинчжун*. В течение многих веков в этом образе воплощалась одна из любимых идей экономической политики, и тем более удивительно, что память о ней так стерлась, что в современных китайских словарях о *цинчжун* даже не упоминается. Сочетание знаков *цинчжун* можно, конечно, найти задолго до «Гуань-цзы», но тогда оно употреблялось не в переносном, а в прямом смысле. Лишь постепенно посредством ряда неуловимых переходов перебрасывается мост от физического взвешивания к экономической стабилизации. Термином *цинчжун* обозначены главы 68—86 трактата «Гуань-цзы». Среди пяти работ «Гуань-цзы», о которых упоминал почти две тысячи лет тому назад Лю Сян, одна также названа *цинчжун*.

¹ Не переведенной до сих пор на европейские языки.

В западной китаистической литературе до сих пор нет устойчивого эквивалента термина *цинчжун*. Шаванн, отталкиваясь от буквального значения этого термина, переводит его как «вес легкого и тяжелого», но в другом месте передает его словом «деньги». Переводчик «Янь-те-луня» Гэл назвал XIV главу «Янь-те-луня», которая так и озаглавлена *цинчжун*, «соотношения в производстве» или «производственные пропорции». Он объясняет также, что под этим названием разумеет правильный баланс отраслей производства. Переводчица на английский язык *шихо* из «Цянь-Хань-шу» Нэнси Сванн пользуется для передачи термина *цинчжун* неустойчивыми, меняющимися эквивалентами: «стандартные меры и веса (для денег)», «спрос и предложение», «легкие и тяжелые монеты». В рецензии на появившийся недавно в США перевод ряда глав из «Гуань-цзы» в журнале «Harvard journal of Asiatic studies» автор, подписавшийся инициалами, замечает: интересно найти у «Гуань-цзы» «описание политики экономического контроля через монополию и обложение таких ключевых ресурсов, как соль, железо и лес и через манипуляции ценами путем воздействия — часто произвольного — на спрос и предложение благ и денег... Согласно контексту, термин „легкий и тяжелый“ используется также для обозначения колебаний цен и самих цен. Свежесть, с которой этот термин подвергается обсуждению в этом древнем труде, свидетельствует о высокой степени сознательности, с которой применяется этот принцип, впервые получающий высокую оценку»¹. Приведенные примеры показывают, как велики разногласия между наиболее компетентными переводчиками по поводу т о ч н о г о с м ы с л а термина *цинчжун*.

Рассмотрим теперь систему понятий, на которые опирается «Гуань-цзы» в своих проектах стабилизации хозяйства. Прежде всего, в «Гуань-цзы» говорится о «легких и тяжелых» семьях (в смысле их скудости и богатства). Во-вторых, *цинчжун* означает «дешевый» и «дорогой». Другими словами, когда «Гуань-цзы» говорит о легких и тяжелых товарах, то это означает уровень цен на эти товары. Вместе с тем, *цин* и *чжун* должны иметь смысл высокой или низкой оценки товаров или сельскохозяйственных возможностей: например, в период большого урожая чиновники низко ценят свое жалование. Сочетание *цинчжун* означает очень часто регулирование цен, и о соответствующих функциях правительственных органов говорится: *цинчжунчжи*. Упоминается также о возложении задач регулирования на *цинчжун-чжи-цзя*. Власть над рынком или сила, дающая возможность стабилизации, обозначается термином *цзюань*. Термин *шу* «количество» присоединяется к биному *цинчжун*, чтобы показать, что стабилизация хозяйства может быть достигнута при выпуске товаров не произвольно, так сказать, на глазок, а при точной статистической основе. Для понятия «регулирования» в «Гуань-цзы» имеется ряд эквивалентов. И, наконец, результатом всех этих мероприятий по регулированию является *цинчжун*, т. е. стабилизация.

Пример понятия *цинчжун* показывает, как важно найти точные эквиваленты для передачи экономических терминов ханьской эпохи. Система терминов, применяемых при переводе, должна быть строго продумана и соответствовать замыслам людей того времени. В существующих переводах этот принцип соблюдается далеко не всегда. Китаистам всегда казалось несомненным, что в центре внимания общественной мысли древнего Китая стояли нравственно-философские понятия, для которых весьма тщательно подбирались современные эквиваленты. Поскольку экономика была на втором плане, для нее не искали законченной терминологии, а прибегали к использованию случайных понятий и слов, представляющих

¹ «Harvard journal of Asiatic studies», 18 (1955), № 1—2, стр. 285.

собой, так сказать, пловучие термины, менявшиеся от текста к тексту. Думается, что изучение «Гуань-цзы» дает все основания для того, чтобы строить перевод на иных началах. Огромным преимуществом «Гуань-цзы» является склонность его авторов к введению в научный обиход ряда определений экономических понятий, которые при всей их неопределенности давали основу для формирования научных терминов.

Трактат «Гуань-цзы» появился в период острой классовой борьбы. Благодаря этому в арсенале понятий «Гуань-цзы» находится немало экономических терминов, отражающих это столкновение классовых интересов. Мы находим, прежде всего, ряд терминов для обозначения класса эксплуататоров-богачей. Имеется ряд обозначений для самого понятия эксплуатации. Ханьские экономисты придают также большое значение вопросам монополизации той или иной области хозяйства и приобретению контрольного влияния в экономике. Большая роль отводится в ханьской экономической литературе понятию рынка, причем различается свободный и регулируемый рынок. Специальные термины существуют для продовольственных и промышленных товаров, для колебаний цен, рыночной конкуренции и т. д. Все это показывает, что экономическая терминология была довольно разработанной, почему необходимо очень четко поработать над установлением системы терминов для передачи всех экономических понятий с присущими им оттенками.

Крайне интересно установить, на какой почве могло вырасти развиваемое «Гуань-цзы» учение о стабилизации хозяйства. Ответить на этот вопрос мы сможем, если просмотрим термины, которыми в этом трактате обозначено понятие регулирования. Почти все эти термины мы найдем в известном приложении к «Чжоу-ли», которое называется «Коу-гун-цзи», но только там они применяются при описании разных производственных операций над металлами. Таким образом, терминология регулирования в трактате «Гуань-цзы» взята из техники промышленного производства. В самом трактате мы можем обнаружить разные стадии в выработке учения о воздействии государственной власти на общественную жизнь. Здесь можно различить два исторических напластования. С самого начала в трактате говорится о задачах государственного деятеля, как «пастуха» своего народа. Другими словами, каким-то отзвуком эпохи полукочевого хозяйства является желание мыслить систему управления по аналогии с пастушескими традициями. Ведь и в русском языке править лошадьми и править государством обозначается одним и тем же термином. Архаические представления относительно экономической политики особенно рельефно сказываются в стремлении «Гуань-цзы» управлять теми же методами, как регулируют водную стихию, воспитывать людей так, как культивируют разные породы животных, и использовать людей, как используют траву или лес. Для обозначения регулирования или управления применяются термины, смысл которых — ведение лошади под уздцы, кнут или палка для направления бега коня и т. д. Совсем из другой области избрано понятие *цинчжун*. Оно ближе всего связано с операциями производителя над сырым материалом, особенно с взвешиванием сырья для нужд производства. За этим образом нам всегда представляются качающиеся коромысла весов. Идея устойчивости, равновесия, стабилизации поэтому охотнее всего выражается термином, передающим операцию взвешивания. Таким образом, государственный деятель уже не пастух народа и не конюх, ведущий лошадь под уздцы, а ремесленник, применяющий свои инструменты, чтобы придать природе новую форму. Отражением этой новой струи в «Гуань-цзы» является отчетливая формула: «ведь управлять народом при помощи закона это подобно тому, как обжигать вязкую глину в гончарной печи

или заниматься литьем металлов». Эта отчетливая мысль проливает свет на рассматриваемую сейчас проблему. Стремление регулировать хозяйство в целях его стабилизации родилось в бурную эпоху, когда усиленно развивались горные промыслы. Поэтому неудивительно, что был так охотно использован термин *цинчжун*. Мы сейчас увидим, что родственное «Гуань-цзы» течение, мечтавшее о политической с т а б и л и з а ц и и, точно так же избрало своим символом термин из области ремесленного производства.

Необходимо еще остановиться на взаимоотношении между учением «Гуань-цзы» и доктриной «странствующих дипломатов», или международных политиков, философским родоначальником которых был Гуй Гу-цзы, «философ долины дьявола». Стоит отметить, что в трактате «Гуань-цзы» одна глава полностью совпадает с главой сочинений Гуй Гу-цзы. Та версия теории общественной закономерности, которую мы находим в «Гуань-цзы», очень близка по содержанию к Гуй Гу-цзы. Недавно скончавшийся востоковед Халоун утверждал, что труд Гуй Гу-цзы появился значительно позднее «Гуань-цзы». Но школа странствующих дипломатов, по-видимому, была как раз ровесницей нашего трактата и тесно связана с ним по основным социально-политическим установкам. Ее важнейшим политическим девизом была политическая стабилизация. Это учение было порождено теми же социально-философскими предпосылками, что и «Гуань-цзы». Общественный кризис, захвативший так глубоко Китай периода Чжань-го, диктовал многостороннее использование идеи стабилизации как в экономической, так и в политической области. В период Чжань-го шла острая борьба за власть между княжествами, и на все лады толковался вопрос о союзе между княжествами с целью добиться равновесия сил. Такая постановка вопроса сближала «международных политиков» с авторами «Гуань-цзы». Замечательно, что и у них идея стабилизации опиралась на образ, заимствованный из техники промышленного производства. Эта школа называлась *цун-хэн-цзя*, что переводится как «вдоль и поперек», символизируя географическое направление международных коалиций (с севера на юг или с запада на восток). *Цун* и *хэн*, вместе с тем, означают основу и уток в текстильном производстве. В ткани основа и уток как бы противопоставляются и в то же время восполняют друг друга. Точно так же у «Гуань-цзы» взвешивание материалов при производстве дает возможность определить какое-то устойчивое и гармоническое сочетание элементов (*цинчжун*) в производимых предметах. Интересен этот параллелизм терминов *цун-хэн* и *цинчжун*, заимствованный в обоих случаях из практики ремесленного производства. Он подтверждает гипотезу об идеологической связи между направлением «странствующих» дипломатов и «Гуань-цзы».

Я уже говорил о том, что труд «Гуань-цзы» появился в период Чжань-го, но стал своего рода «властителем дум» для всех, кто интересовался экономическими вопросами при Хань. Мы не найдем ни у Мэн-цзы, ни у Сюнь-цзы следов идеологического влияния «Гуань-цзы». Совсем по другому обстоит дело при Хань. «Гуань-цзы» становится первоисточником для ряда произведений. Насколько я могу судить, первое упоминание о политике стабилизации мы встречаем у Сыма Цяня. Как известно, Сыма Цянь писал свою «Летопись» на склоне жизни, оборвавшейся в 88 г. до н. э. Это был период наибольшего расцвета правительственной деятельности Сан Хун-яна, приходящегося на время с 115 г., когда он осуществил свою реформу *цзюнь-шу-фа*, и до его смерти в 80 г. Таким образом, Сыма Цянь писал свою «Летопись» под свежим впечатлением только еще начавшей развиваться идеологии *цинчжун*. Сыма Цянь упоминает о политике *цинчжун* в двух главах своего исследования: 30-й и 129-й, но в очень общей форме. Тем удивительнее, что в «Нянь-те-луне», записанном через несколько

лет после того, как Сыма Цянь закончил свою «Летопись», идеям *цинчжун* отведено выдающееся место, несмотря на то, что автор этого произведения больше сочувствовал конфуцианцам, чем сторонникам Сан Хун-яна в этом идеологическом турнире. В «Янь-те-луне» есть даже специальная глава (XIV), так и озаглавленная *цинчжун*. Влияние «Гуань-цзы» особенно явственно сказывается в восприятии терминологии. Понятие регулирования хозяйства, играющее столь выдающуюся роль у «Гуань-цзы», понижает и всю концепцию, защищаемую представителями правительства в «Янь-те-луне», причем и термины для обозначения регулирования в обоих памятниках в значительной мере совпадают. В этом отношении особенно явственный параллелизм можно обнаружить в LXXIII главе «Гуань-цзы» с XIV главой «Янь-те-луна». В тексте «Янь-те-луна» легко проследить за тем, как отдельные положения «Гуань-цзы» превращаются в подлинные афоризмы. Не приходится сомневаться в том, что *шихо* из «Цянь-Хань-шу» дает квинтэссенцию экономического мировоззрения «Гуань-цзы». В конце *шихо* дается интересная попытка генеалогии вмешательства в экономическую жизнь страны. Вслед за автором «Гуань-цзы», который рассматривается как осноположник всей системы, упоминаются Ли Куй, Сан Хун-ян и Гэн Шоу-чан. Автору «Гуань-цзы» приписывается система *цинчжун*, Ли Кую — *пин-ди*, Сан Хун-яну — *цзюнь-шу* и Гэн Шоу-чану — *чан-пин*¹. Нетрудно усмотреть, что все эти мероприятия имеют целью воздействие на цены в сторону их стабилизации. Это показывает, что в глазах людей ханьского времени основное содержание системы «Гуань-цзы» как раз заключается в регулировании хозяйства государственной властью и что Ли Куй, Сан Хун-ян и Гэн Шоу-чан выступали лишь как ученики и последователи «Гуань-цзы» в этой области.

Чьи интересы выражены «Гуань-цзы», выступающим с проповедью вмешательства государственной власти в экономику в целях стабилизации? Ян Хин-шун, анализируя направление общественной мысли в период Чжань-го, признает легистов представителями «рабовладельцев, богачей-купцов», но это определение, на мой взгляд, не затрагивает авторов «Гуань-цзы», так как они не принадлежали к числу легистов. Люй Чжэнь-юй, как мы видели, имел намерение выдвинуть автора «Гуань-цзы» в качестве представителя общественной категории «землевладельцев-торговцев», удельный вес которых начал усиливаться с периода Чжань-го. Появление подобных точек зрения объясняется тем, что социальная позиция «Гуань-цзы» отождествляется с классовым положением Сан Хун-яна. Между тем, я постарался показать, что Сан Хун-ян злонамеренно использовал идеологию «Гуань-цзы» в своих интересах, не считаясь с ее подлинным содержанием. Трактат «Гуань-цзы», несомненно, защищает интересы крестьянства против купечества, почему ему никак нельзя приписать защиту стремлений торгового класса. На страницах «Гуань-цзы» разбросаны многочисленные доказательства симпатий к крестьянству и желания облегчить его тяжелое положение. «Гуань-цзы» неоднократно ополчается против эксплуатации крестьян торговцами на почве неустойчивости цен. Он стремится устранить бедствия, связанные с ростовщичеством (глава LXXXIII). Он советует князю Хуаню ограничить барщину, чтобы дать крестьянам возможность обеспечить хороший урожай, если их не станут мобилизовать в сезон наиболее горячих сельскохозяйственных работ (глава LXVIII). «Гуань-цзы» настаивает на повышении в несколько раз цен на хлеб, чтобы поднять благосостояние крестьянства. В отличие от Лао-цзы, «Гуань-цзы» объявляет в

¹ Все эти термины обозначали законодательные мероприятия, пытавшиеся добиться устойчивости хозяйства и, в особенности, цен путем введения системы хлебных амбаров, монополизации транспорта правительством и т. д.

В главе плохим политиком того, кто не сумеет отнять у имеющего избыток и прибавить страдающему от недостатка. Руководящее начало управления, по мнению «Гуань-цзы», заключается в том, чтобы обогатить народ (глава XLVIII). При неумеренных налогах неизбежна «внутренняя война» (глава LXVIII). Правительство должно брать у народа как можно меньше. Неумеренные налоговые требования с быстрыми сроками платежа поглощают часто львиную долю стоимости имущества плательщика. Если какой-нибудь налог отменяется, страна предается радости (глава LXXIII). Наконец, проповедуя обособление общественных классов друг от друга и строгое следование каждой группы профессиям их отцов, «Гуань-цзы» допускает единственное исключение для крестьян, которые при известных условиях могут становиться учеными (глава XX). Все это показывает, что крестьянство было для «Гуань-цзы» на особом положении, и его авторы пишут о нуждах простого народа в духе гуманности. Это, конечно, не значит, что «Гуань-цзы» выступает защитником интересов крестьянства. Авторы этого трактата обращаются к сильным мира сего с увещанием относительно того, как направить экономическую политику страны или отдельного княжества так, чтобы смягчить социальный кризис, вызывавший неустойчивость и грозивший «внутренней войной». Им казалось, что, если продолжать политику невмешательства, то социальная власть купечества еще усилится и страна придет к катастрофе. Нищету нужно не поощрять, а бороться с ней. Такова экономическая программа «Гуань-цзы». Она показывает, что его авторы скорее всего принадлежали к демократическим кругам чиновничества, которые боролись против купечества и тем самым становились до некоторой степени на сторону народа.

Как ни кратко мне пришлось остановиться на изложении системы экономических взглядов «Гуань-цзы», является все же несомненным, что труд «Гуань-цзы» выделяется на фоне экономических учений античности и средних веков законченным экономическим мировоззрением, основанным на идее регулирования народного хозяйства. «Гуань-цзы» намного опережает свою эпоху. Бросается в глаза при чтении курсов и учебников по истории экономической мысли, что при рассмотрении экономических учений рабовладельческой и феодальной формаций все внимание уделяется Гесиоду, Ксенофону, Платону, Аристотелю, Фоме Аквинскому, но о восточных экономических теориях обычно даже не упоминается.

Имя «Гуань-цзы» до сих пор совсем не фигурировало в этих сочинениях. Казалось бы, целью истории экономической мысли является возможно более полное отображение экономического мировоззрения в с е х общественных классов и групп, притом не только в Европе, но и на других континентах. Нам не понять до конца столкновения различных интересов в обществе, если мы не уясним себе позиции в с е х участвующих в борьбе сторон. В. И. Ленин писал: «...история идей есть история смены и, следовательно, борьбы идей»¹. Наш очерк должен показать, насколько стала бы богаче история мировой экономической мысли, если бы она включила в круг рассмотрения такой замечательный эпизод, как борьба между конфуцианством и концепцией регулирования народного хозяйства, восходящей к «Гуань-цзы».

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 237. (Рецензия на книгу: Н. А. Рубакин, Среди книг.)

